

Монах

Ом мани падме хум, ом мани падме хум, «О, жемчужина, сияющая в цветке лотоса!», ом мани падме хум... непрерывное натянутое движение толпы, монголоидные лица, молитвенные трещотки – хурде, разреженный воздух, полдень. Это Лхаса, столица Тибета.

Мы притихли, ошалелые от близости неба и избытка впечатлений. Весь город пронизан ламаизмом, кажется, что каждый второй житель паломник, каждый третий – монах, каждый четвертый – китайский солдат. Солдаты стоят с автоматами, спина к спине, образуя вооруженные прямоугольники. Паломники обтекают их ручейками, чтобы слиться в нескончаемую реку около монастыря Джоканг. Здесь начинаются ритуальные маршруты разной степени сакральности.

Один из них пролегает по улице Баркхор. Наиболее продвинутые из паломников проходят ее не обычным шагом, а наподобие гусеницы: ложатся на землю, вытягивают руки вперед, подтягивают к ним ноги, встают, снова ложатся, и все повторяется сначала. Таков путь к просветлению. Говорят, что если в таком стиле обойти священную гору Кайлас, то можно достичь нирваны. Периметр там немалый – 40 километров, но цель оправдывает любые трудности.

На Баркхоре всегда много монахов различных буддистских сект. Они чувствуют себя здесь как на тусовке, идут, улыбаются, о чем-то непринужденно беседуют, не обращая никакого внимания на окружающих. Шумно, оживленно, празднично. Столица – она столица и есть.

Как всегда, рядом с храмом кипит базар. Для меня это основной магнит, ведь здесь продают камни из Китая, Тибета, Гоби. На развалах лежат бирюза, розовые кораллы, изделия из кости, лингамы Шивы, окаменелые яйца динозавров – строго запрещенные к продаже, монгольские агаты, китайский белый нефрит. Но я ищу суисеки.

Формально говоря, «суи» переводится с японского как «вода», а «секи» – «камень». То есть «вода-камень», водный камень. На самом деле суисеки – это артистическая традиция созерцания естественного, необработанного камня, восходящая к Японии, но достигшая своего расцвета в Китае и Корее.

Искать здесь суисеки не имеет особого смысла, не то это место. Но я терпеливо спрашиваю каждого продавца. В ответ – улыбка, никто не понимает, акцент не тот. Неожиданно один из продавцов посылает меня куда-то вглубь Банкхора. Неужели удача?

Вход в лавку охраняет устрашающего вида демон. Внутри темновато, взгляд выхватывает отдельные предметы – здесь эклектичное царство всего, что может быть интересно туристу. Народу совсем мало. Я произношу в пустоту – «суисеки». – «Да, конечно, йес сэр», – продавец оказался совсем рядом. Он показывает неприметную лестницу на второй этаж. Поднявшись, я вдруг вижу, как свет бьет сквозь проем в потолке, разрезая полумрак помещения. В нем, в его прозрачных снопах, медленно кружатся пылинки, словно подчеркивая вязкую негу неспешного времени. И в самом деле, суэта базара осталась внизу, здесь, ближе к небу, царство пейзажного камня. Суисеки разных типов заполняют все пространство: на полу, в витринах, на полках, этажерках – они всюду!

От непривычного света я щурюсь, стараясь разглядеть что-нибудь интересное. Пылинки на свету пляшут, мешая сосредоточиться, взгляд не распознает детали, а лишь выхватывает формы.

И тут я увидел монаха. Не живого, нет, живые остались снаружи. Я увидел фигуру черного цвета, прописанную природой на сероватом длинном срезе китайской пейзажной яшмы. Произошел контакт, и я понял, что без этого камня мне из Лхасы дороги нет. Сколько же он стоит, сколько вообще может стоять артефакт, которому нет объяснения? Тысячу долларов,

две тысячи?.. Успокойся, прошептал где-то очень глубоко голос разума, успокойся и не подавай виду. Не гляди на монаха, сделай глупое лицо и со скукой разглядывай что-нибудь другое. Собрав волю в кулак, я повертел несколько камней, выбрал парочку недорогих на вид и подошел к продавцу. «How much?» – сколько стоит? Продавец широко улыбнулся и достал калькулятор. По-английски он не говорил, зато бодро отпечатал: 140.

«Юани?» – спросил я. У продавца прорезался английский – доллары, доллары, он радовался общению и возможности поторговаться.

Торговаться я не люблю, не умею и просто порой боюсь. Я вырос в Риге, где даже на базаре цена была ценой, а не приглашением к диалогу. Но с камнями другое дело, здесь я все знал заранее, а это огромное оружие. Сразу появляется хватка и ее родная сестра – наглость. Помню, мы путешествовали по Индии. Столица производства знаменитых индийских агатов – небольшой городок Кхамбхат, где, как и 500 лет назад, агаты обкалывают резиновым молотком на остром, вкопанном в землю металлическом зубе, где сердолики обжигают в горшках с рисовой мукой до цвета карнеола, цвета крови, где делают удивительной красоты украшения. Так вот, в Кхамбхате моей приятельнице приглянулся кулон с нежным лабрадоритом. «Сколько стоит?» – спросила она и получила цену. В этот момент внутри зыграло ретивое, и я взял кулон в руки. «Он же бракованный! Если смотреть слева, то виден голубой цвет, а если справа – не виден», – сказал я, сам удивляясь своей наглости. Ведь в этом весь смысл окраски лабрадорита, в угле падения света! Как можно быть такой скотиной, подумал я, и, не моргнув, повторил эту чушь еще раз... В итоге кулон был куплен дешевле, а я запомнил, что иногда не надо быть святее Папы Римского.

Сейчас, в Лхасе, был как раз такой момент торговли. Я бодро набрал на калькуляторе в десять раз меньшую сумму. Он удвоил, я ополовинил. Начался пинг-понг. Главное в этой игре было не смотреть на монаха, на истинную цель всего происходящего. А он притягивал взгляд с необыкновенной силой, я чувствовал себя частицей металла перед мощнейшим соленоидом.

Нет, сказал я продавцу, не надо, за доллары я эти суисеки не куплю, и, поставив их обратно, стал прогуливаться по комнате. Вожделение, желание обладать – все было внутри, я понимал, что если продавец учует, что там во мне творится, то все, привет – он может назначать любую цену, мне все равно, я куплю, а что будет потом – то уже будет потом.

С индифферентным лицом я взял монаха в руки, повертел, поставил на полку, снова взял... Он был явно творением других миров. Салют, сказал я ему про себя, я тебя не отдам.

«Сколько это стоит?» – я ожидал, что сейчас продавец снова достанет калькулятор и набьет на нем что-нибудь с четырьмя нулями. Но он взял бумажку и отчетливо написал: 200. «Долларов?» – мне было в общем-то все равно. «Юаней», – сказал он и посмотрел мне в глаза, как бы проверяя, буду ли я снова разыгрывать фарс прошлого раунда торговли. Когда тибетец смотрит в глаза, то отступить некуда. «О-кей», – сказал я, – «очень хорошо». Я достал деньги, он достал газету и самым будничным образом завернул в нее мое сокровище. Оно весило добрых полтора килограмма, слегка оттягивало руку и грело сердце. Я был счастлив.

Тот, кто побывал на Тибете, никогда его не забудет. Кругом горы, долины, мощнейшие водные потоки – и монастыри, монастыри, монастыри на фоне неба. Жизнь Тибета сопряжена с философско-религиозным началом в каком-то совершенно первобытном виде. Природа неотделима от человека, а человек так мал по сравнению с ее мощью. Горное солнце не только отпечатывает на лицах местных жителей сетку красных капилляров, но и проникает глубоко в их сердца. Духи древней религии Бон переплетаются с ламаистскими святыми. Буддистские инкарнации здесь не кажутся чудом перевоплощения, они так же естественны, как облака, плывущие за ветром в иные ойкумены. Мы побывали в отдаленных монастырях, на перевалах, в горных долинах, мы видели, как тает ячий жир в огромных медных сосудах, слышали, как воет ветер, развевая молитвенные флажки, как свистят пески по дороге к монастырю Санье, напевая свои древние песни. Мы что-то почувствовали, что-то поняли.

Камень с монахом был родом совсем не из Тибета... Увы, а так бы хотелось. Я, конечно, знал это. Такие несравненные суисеки добывают в одном месте в мире, в южном Китае, около города Лючжоу в округе Гуанси. Но как и почему этот конкретный камень попал в Тибет, на свою духовную родину? Как такое произошло? Всякая чертовщина лезла в голову. Ведь рисунок на нем выглядел как живое воплощение увиденного: монах стоит и смотрит вдаль, навстречу ветру, а вокруг несутся облака... бесконечно плывут в бесконечном движении, и вот уже монашеское одеяние сливается с природой и тает, тает, тает...

Позднее, в Питере, я спросил у соседского ребенка, что он видит на камне. Волшебник, сказал мальчик, волшебник и облака. Дети не врут... Неожиданно я испугался. Вдруг фигура прорисована, вдруг, как часто бывает на китайских яшмах, местные умельцы облагородили рисунок тонкой кистью?! Взяв микроскоп, я в волнении направил его на фигуру. Сразу стало видно фрактальную структуру линий. Так не нарисует никто и нигде, даже в Китае так не нарисуют, так рисует только один Художник.